44683

Сумцов Н.Ф

Пожелания и проклятия (Преимущественно малорусския)

2992

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ПОЖЕЛАНІЯ и ПРОКЛЯТІЯ.

(Преимущественно малорусскія).

ц. 50 коп.
5845

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17.
1896.

Н. Б. Сумцовъ.

44683

ПОЖЕЛАНІЯ и ПРОКЛЯТІЯ.

(Преимущественно малорусскія).

446498

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., д. № 17.
1896.

Отдѣльные оттиски изъ Харьковскаго Сборника Исотрико-Филологическаго Общества 1896 г.

Пожеланія и проклятія.

(Преимущественно малорусскія).

Содержаніе.

Предисловіе. Пожеланія „добрыдень“; пожеланія, выраженныя въ малорусскихъ пѣсняхъ родинныхъ зажнивныхъ и рождественскихъ. Параллели изъ словесности польской, сербской, болгарской, румынской, новогреческой. Пожеланія доброй доли, чтобы „передъ душой стало“ и хозяйственныя. Проклятія у древнихъ евреевъ, грековъ. римлянъ и др. древнихъ народовъ. Договорныя клятвы руссовъ. Отношенія проклятія къ другимъ формамъ словесности. Ритуалъ. Клятвы съ ѣдой земли. О степени дѣйствительности проклятія. „Галатынъ“. Примѣры совпаденія малор. проклятій съ великорусскими, болгарскими, греческими и др. Проклятія „безъ дна и покрышки“, о первой пулѣ, о крикѣ вороновъ, о замкнутіи устъ и др. Распредѣленіе проклятій на общія зложеланія и частныя пожеланія смерти, болѣзней, лишенія зрѣнія, рѣчи и т. д. Обращенія къ силамъ природы. Миѳическіе и историческіе элементы. Зложеланіе, „чтобы лунь ухопыла“. Роль ката въ проклятіяхъ. „Стоять пидъ великими викнами“. Проклятія на дѣвицъ, на душу и загробную жизнь. Проклятія юмористическія. Мать въ проклятіяхъ. Значеніе родительскаго проклятія и главныя формы проявленія его въ народной словесности, въ пѣсняхъ, сказкахъ о превращеніяхъ и др. Формальное значеніе родительскаго проклятія (наряду съ значеніемъ бытовымъ). Проклятія въ думахъ-матери, жены, козаковъ. Заклятые клады. Юридическія проклятія въ „духовницахъ“, дарственныхъ записяхъ и т. д. Старинныя церковныя проклятія въ Малороссіи. Сходные народные обычаи въ Грузіи и въ Великороссіи.

Предисловіе.

Благожеланія и проклятія представляютъ много интереснаго для историковъ быта, литературы, культуры, вообще для уясненія народной психологіи. Матеріалъ обширный, но весьма разбросанный и почти совсѣмъ не изслѣдованный. Благожеланій касался А. А. Потебня въ той мѣрѣ, насколько они входятъ въ малорусскія колядки. О проклятіяхъ мнѣ извѣстна лишь одна небольшая статья Лазо (Lasaulx) на нѣм. яз.; но здѣсь рѣчь идетъ лишь о проклятіяхъ классическихъ народовъ (ἀρά, devotio, dirae precationes и др.). Благожеланія и проклятія проникли во многія литературныя произведенія, вообще захватили большой кругъ литературныхъ и бытовыхъ явленій. Пожеланія порождены въ минуты свѣтлаго настроенія; зложелательства вылились изъ раздраженія, въ моменты приподнятаго психическаго настроенія. Оттого въ проклятіяхъ, при всей ихъ краткости,

много соли и горечи. Цивилизованные народы на длинномъ и тернистомъ пути своей жизни испытали много разныхъ бѣдствій. Древній человѣкъ въ своемъ личномъ опытѣ и въ опытѣ другихъ имѣлъ болѣе матеріала для выбора проклятій, чѣмъ для выбора пожеланій. Выработанныя литературныя формы пожеланій и проклятій мѣстами клонятся къ упадку, мѣстами совсѣмъ исчезли, подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ условій. О проклятіяхъ, разумѣется, никто не пожалѣетъ. Другое дѣло „благословія". Тутъ много цѣннаго въ гуманистическомъ смыслѣ. Забвеніе „благословій" серьезная утрата, тѣмъ болѣе что нельзя разсчитывать на скорое восполненіе пробѣла благотворными вліяніями лучшихъ произведеній передовыхъ писателей художниковъ.

1.

Благожеланія.

Во всѣхъ странахъ лучшіе люди дорожили благожеланіями и старались закрѣпить и утвердить ихъ въ обыденной жизни. Въ основу всегда клалось какое нибудь одно, краткое, сильное и наиболѣе популярное пожеланіе, чаще всего пожеланіе: Vale, salve, добрыдень, будь здоровъ! Еще Владиміръ Мономахъ наставлялъ: „человѣка не минѣте, ни привѣчавше; добро слово ему дадите". И этотъ завѣтъ прочно держался въ Южной Руси и нынѣ еще хранится въ селахъ, не испорченныхъ городскими и фабричными вліяніями. Нарушеніе его въ старой Малороссіи считалось большимъ грѣхомъ, какъ видно изъ думы про Алексѣя Поповича. Буря разыгралась на морѣ, потому, между прочимъ, что Алексѣй Поповичъ

Мимо царськои громады пробигавъ,
За своей гордощей шляпы не здыймавъ
На день добрый не дававъ. (*Акт. и Драг.* I. 180).

Малорусскія формы благожеланій отмѣчены въ пѣсняхъ родинныхъ, свадебныхъ, рождественскихъ, зажнивныхъ. Не претендуя на исчерпывающую полноту, отмѣтимъ нѣсколько традиціонныхъ формулъ украинскаго доброжелательства, и для уясненія послѣдняго такъ, сказать по дорогѣ, захватимъ сербскія и болгарскія благословія.

Уже при родахъ бабка иногда приговариваетъ: „Ой, опростай, Боже, мою унученьку, ii душечку та роженную, другу душечку та суженную".
(*Чуб.* III 7.).

На крестинахъ приговариваютъ, обращаясь къ ребенку: „Нехай тебе Богъ благословыть и поможе тоби вiйты въ христіанскую виру; дай Боже, щобъ ты росло велике та щаслыве було". По адресу матери говорятъ „Приведы, Боже и породиллю до першого здоровья, дай Боже, щобъ вона его охрестыла и до розуму довела и на весильи погуляла". (*Чуб.* III 9).

Въ дѣтской колыбельной пѣснѣ высказываются пожеланія, чтобы „ристочки у кисточки, соньки-дримки въ виченьки, розумъ добрый въ головоньку“, чтобы дитя росло, не болѣло, чтобы оно служило утѣшеніемъ для матери и для всей родыноньки.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ „присудыла Божа Маты не великимъ посачемъ, а счатьемъ—здоровьенкомъ“ (*Чуб.* IV 161). Пожеланія въ свадебныхъ пѣсняхъ выражаются во многихъ мелкихъ, еле уловимыхъ чертахъ.

Въ „Огородкѣ“ Радивиловскаго (1676 г.) отмѣчены два любопытныхъ пожеланія при посѣвѣ хлѣбнаго зерна: „бѣдный ролникъ, гды сѣетъ, кидаетъ сѣмена и на долю убогихъ, мовячи, „сходы Боже, и для убогихъ“; въ другомъ мѣстѣ: „засѣявши господарь ниву звыклъ такъ кончити-зроды, Боже, для всѣхъ“ (*Марковскій*, Ант. Радивиловскій, стр. 65).

Въ зажнивныхъ пѣсняхъ разбросаны пожеланія здоровья, урожая и всякаго благополучія и хозяевамъ поля, и жницамъ:

Судивъ намъ Богъ дожаты — Миромъ въ покою,
Суди, Боже, и пожиты — Въ доброму здоровью

(*Чубин.* III 230).

Обычныя въ зажнивныхъ пѣсняхъ величанья хозяина, хозяйки и поля служатъ своего рода пожеланіями, чтобы и впредь такъ было.

А мы жито дожали, — Килько на неби зирочокъ,
Щобъ ще за рокъ дождали. — Тилько въ поли копочокъ.

(*Чуб.* III 246).

Гораздо богаче пожеланіями колядки, малорусскія и въ особенности болгарскія. Цѣль колядокъ „домъ звеселиты“. Въ основѣ колядокъ лежитъ пожеланіе въ связи съ величаньемъ, т. е. съ возведеніемъ лица, къ коему обращена пѣсня къ идеальнымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... „На всѣхъ ступеняхъ развитія, говоритъ А. А. Потебня, потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зеленѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и донынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой“... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтическаго образа въ объясняемое

и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѳическаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. „Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить „въ человѣцѣхъ благоволеніе". Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—„гости любыи, угодные". (Объясн. малор. и срод. пѣсенъ II, 59).

Потебня подробно разобралъ колядочный мотивъ сказыванія радости. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія „чи чуешъ", „встань гори" и проч. потеряли связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и стали припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Часто встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженіе „Станенине" происходитъ изъ „въ(з)стани нынѣ". Господаря будитъ „ластивка", „зозуля", соловей", мѣстами „зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость", въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака, ссоры и разлуки. Часто встрѣчается такой мотивъ „Три радости. Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ"; этотъ мотивъ проявляется въ колядкахъ, волочебныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Въ связи съ предъидущимъ мотивомъ стоитъ мотивъ „Богъ оретъ, святые помогаютъ"; въ результатѣ урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокриѳическія сказанія.

Благожелательное символическое значеніе имѣетъ „сѣяніе, вѣяніе золота, серебра". Самый образъ „засѣванія золотомъ" имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Столь же благожелательное значеніе имѣютъ колядочные мотивы: Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги", „Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле". „Господарь готовится встрѣчать, угощать гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ".

Обрисовка желаемаго богатства и довольства выражается въ колядкахъ и щедривкахъ обыкновенно въ той формѣ, что Господь ходитъ „по обори и лагодыть волы по три плуги, бычки—третячки та й по чотыри; ходыть по стаенци и лагодыть кони на три бороны, лошаки—стрижаки та й по чотыри; ходыть по току, та й все лагодыть, кладе стижкы та й въ три рядки, яру пшеницю та по чотыри; ходыть по пасици, та й все лагодыть пчолки на три ряды" и т. д. (*Чуб.*, т. III, стр. 347) Во многихъ

колядкахъ и щедривкахъ разрабатываются отдѣльные мотивы этихъ пожеланій — о хорошемъ урожаѣ хлѣба, приплодѣ скота и т. д. Прекрасныя въ художественномъ отношеніи колядки этого рода напечатаны въ общеизвѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго. Обыкновенное окончаніе колядокъ, обращенныхъ къ земледѣльцамъ:

Бувай же здоровъ
Пане господару, съ дитьми, съ женою....
Дай же ты, Боже, чого жадаешъ!
Щастячка на дворъ на худобочку,
Здоровля въ сей домъ на челядочку....
Даруе тоби Господь три доли въ поли:
Першая доля—щастя, здоровля,
Другая доля—волы, коровы,
Третья доля—жито, пшеныци,
Усяка пашныця (*Чуб.* III 421 и др.)

Пасѣчникамъ поютъ такую прекрасную колядку съ пожеланіями:

Шумить, гуде, дубровою йде...
Пчолонька-мати пчолоньку веде:
Пчолоньки мои, дитоньки мои,
Ой дежъ мы будемъ при саду мати
Рои роити и меды носити?
Будемо мы при саду рои роити
И меды носити у пана-господаря,
У ёго бортяхъ и въ его новыцяхъ:
Медокъ солодокъ пану-господару,
Жовтые воски Богу на свичу.
За симъ же словомъ да бувай здоровъ. (*Чуб.*, т. III, стр. 392.).

Возьмемъ еще слѣдующую превосходную колядку въ честь домохозяина и въ особенности его жены:

У нашого пана хороша пани:
Богъ ёму давъ славную жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зросли—у школу пишлы,
А дочки зросли—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:

Книжечки на стилъ, батеньку до нигъ,
А донечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.
(*Чуб.* т. III, стр. 404.)

Въ колядкѣ нарисована симпатичная картинка крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвала сыну выражается въ указаніи, что онъ собирается жениться, „коня строитъ," чтобы привести отцу хорошую „невѣстку" не изъ тѣхъ дивчатъ, что „танокъ водятъ", а изъ тѣхъ, что на „хорошей нивѣ", за которыми „снопки густыи" (*Чуб.* III т. стр. 416, 464) Похвала дочери въ словахъ: „до церкви йшла, якъ зоря зійшла, а зъ церкви йшла красною панною"; паны ее встрѣчаютъ, шапки знимаютъ". (*Чуб.* т. III стр. 395.)

Подобнаго рода пожеланія встрѣчаются въ польскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ также

A za onym płužkiem
Sam Pan Jezus chodzi,
Najsviètsza Panienka
Sniadanko nosila:
A daj tu, Boze,
Wszelake zboze и т. д.

Сербскія пожеланія по содержанію и выраженію сходны съ малорусскими, напр., македонскіе сербы на праздникѣ „славы" поютъ:

У чије се здравлье вино піје,
Све ту здраво и весело било!
Родила му се пшеница и вино!
А по кути сва мушка дечица,
И по трлу сва близни јаганьца
И у брдо виновна лозица
И по польу классата пшеница....
Дамакине! добро смо ти дошли.
Добри гости у добри те нашли...

Иванъ имя, коледо, добри гости, коледо
Добре гости, „ Русалије, ко,
Добре су му „ глас донели „
Овце му се „ избагньиле
Све јаганьци „ калушасти „
Козе му се „ искозиле „
Краве му се „ истелиле „
Кобиле му се „ иждребиле „ и т. д.

Ястребовъ, Пѣсни тур. сербовъ 13—32.

Болгарскія пожеланія, или, какъ они называются у болгаръ, „благословіи", входятъ въ колядныя пѣсни, въ величальныя („слави") и въ лазарицы". „Благословій" огромное количество; они разсѣяны по сборникамъ Миладиновыхъ, Качановскаго, Иліева; особенно много собрано ихъ въ вышедшихъ въ печати 12 томахъ Сборника за нар. умотв. Благословія и славы захватили многіе пѣсенные мотивы изъ другихъ народно-поэтическихъ областей, эпоса, апокрифическихъ сказаній, балладъ, лирическихъ семейныхъ пѣсенъ. Благословія различаются по тому, къ кому они обращены; поютъ благословія „на орачъ", „на овчарь", „на козарь", „на конярь", „на механджія" (кабатчику), на кошаритѣ" (пчеловодамъ), „на скороженень мужъ", „на невѣста", „на младоженецъ первецъ" (въ первый годъ женитьбы), „на домакиня, която рожда", даже „на близнета", „на гайдаря", —репертуаръ огромный. Болгарскія благословія и славы заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія; мы ограничимся лишь указаніемъ наиболѣе характерныхъ мотивовъ въ параллель къ сходнымъ малорусскимъ.

Болгарскіе колядовщики въ концѣ пѣсенъ часто указываютъ на цѣль:

Доідохме у нашего домакина
Да го развеселимъ.

(*Сборн.* за нар. умотв. I, 7)

Од Бога ти много здравье,
Од нас малка веселбица

(*Сборн.* III, 3).

Въ одной колядкѣ высказывается пожеланіе, чтобы открылось небо и земля и снизошли дожди; сколько на небѣ звѣздъ, столько копенъ тебѣ (ошибочно—здоровья въ домѣ). (Сборн. II, 1). Приведемъ для сравненія съ малорусскими 2 или 3 болгарскихъ колядки съ благословіями, съ приложеніемъ перевода en regard.

На орачь

Станенине господине,
Орачъ оре равно поле,
Воловци му два ангелье,
Купралья му струкъ босильокъ.
Весдень оре, Бога моли,
Дай ми, Боже, да се роди
Се пченица се белиіа
Да омесим Богу колак

Хлѣборобу.

Станенине господине *)
Пахарь пашетъ ровное поле
Вмѣсто воловъ у него 2 ангела,
Сохой у него стебель василька
Цѣлый день оретъ, Бога проситъ:
Дай, Боже, чтобы уродилась
Бѣлая пшеница
Господу Богу на хлѣбъ...

*) Окаменѣвшій запѣвъ изъ встань нынѣ господине.

На скотовъдецъ.

Станенине господине,
Добри сме ти госкье дошли,
Доборъ сме ти гласъ донели,
Низъ хубава долна земьа.
Офци ти се изіагнили,
Се офчици ваклошатки,
И овнафци виторошци;
Кози ти се се искозили
Се козици виторошки
И порчевци іаргорошци;
Кравици се истелили,
Се кравици белобоски,
Се воловци еленчовци;
Кобилки се иждребили,
Се кобилки левогривки,
И коньовци патуньокци.
Станенине господине
Тебе пеіемъ, домакине.

Владѣльцу скота.

Г. с! хорошіе гости къ тебѣ пришли и добрую вѣсть принесли изъ далекой красивой земли. Овцы твои дали ягнятъ, курчавыхъ овечекъ и барашковъ съ завитыми рогами; козы окотились красивыми козочками и круторогими козликами; коровы отелились теличками съ бѣлыми дойками и бычками, похожими на оленей; кобылы дали жеребятъ, кобылицъ съ хорошей гривой и бѣлоногихъ жеребцовъ. Г. с. тебѣ поемъ панъ господарь!

Въ такомъ сложномъ развитіи у болгаръ выражается малорусская колядочная „худобочка“. Эта колядка идетъ и частями, если поютъ хозяину, имѣющему однѣхъ овецъ или однѣхъ козъ.

На кошаритѣ.

Станенине господине,
Лекомъ лети лева чела,
Лекомъ лети по росица,
По росица, по травица,
Та собира млогу благо,
Та доноси на ножица,
На ножица по жолтица,
На главица по паница.

Пчеловоду.

С. г! Легко летитъ пчела по росѣ и по травѣ, да собираетъ она много добра и да принесетъ его на ножкахъ, на ножкѣ по червонцу, на головкѣ по горшку (меда).

Семейныя благословія и славы съ величаньемъ домохозяина, домохозяйки, дѣтей ихъ также у болгаръ весьма разнообразны и обстоятельно развиты; нѣкоторыя благословія этого рода представляютъ большія пѣсни съ разными вставными эпизодами эпическаго, апокрифическаго или повѣствовательнаго происхожденія.

Въ драгоцѣнномъ изслѣдованіи *А. Н. Веселовскаго* о колядкахъ въ 32 т. Сборн. Акад. Н. приведено нѣсколько новогреческихъ и румынскихъ колядокъ съ пожеланіями и одна близкая къ нимъ по содержанію прован-

сальская пѣсня. Малор. колядочному: „да бувай здоровъ, не самъ собою, зъ отцемъ, зъ матерью, со всимъ родомъ“ отвѣчаетъ румынское: „да будетъ здравъ съ отцомъ и матерью, съ братьями и сестрами, и со всѣми нами въ этомъ году и на многія лѣта—fiemi sanetosu cu taica, cu maika, cu frati, cu surori, si cu noi su totii, l'anuli, la multi ani“ (271). Въ другой румынской колядкѣ высказывается пожеланіе: „да будутъ у васъ коровы молочны и лѣтомъ хлѣбъ; сколько камней въ колодцѣ, столько крынокъ сливокъ; сколько травы на межѣ, столько овецъ въ загонѣ; сколько стеблей въ метлѣ столько ребятъ въ постели“ и пр. (117. Подобно въ осетинской пѣснѣ: „да получитъ мальчика ваша хозяйка, да убьетъ оленя вашъ хозяинъ“ (440). Въ критской каландѣ находятся пожеланія о приплодѣ скота, близкія къ южнославянскимъ. Подобныя пожеланія обнаруживаются и въ провансальской пѣснѣ—tout bon ça y entre, fremes enfantan, cabres cabrian, fedes aneillan, prou bla et prou farine, de win un plene tine“ (117).

Въ греческихъ колядкахъ (въ томъ числѣ въ одной перевед. въ сб. Chodzko 1862) въ пожеланіяхъ встрѣчается интересный мотивъ о процвѣтаніи жезла (или палки св. Василія).

Религіозно-мистическій и миѳическій элементы скрываются въ благожеланіяхъ доли, сречи; такое значеніе ярко обнаруживается въ многочисленныхъ сказкахъ о томъ, какъ бѣднякъ разыскивалъ долю, и нашелъ ее спящей, въ видѣ лѣнивой и грязной женщины; пожеланія доли предполагаютъ другой болѣе благопріятный исходъ, въ родѣ того, какой выражается въ албанскомъ пожеланіи: „да пройдетъ здѣсь Ора и да исполнитъ все это“. Ора—миѳическое существо. Она странствуетъ по землѣ, прислушивается къ мольбамъ и проклятіямъ людей и тотчасъ исполняетъ ихъ, какъ скоро они дойдутъ до ея слуха (*Аѳан.* Поэт. воззр. I 428).

Оставляемъ въ сторонѣ многочисленныя и обычныя хозяйственныя пожеланія при посѣвѣ, на зажинкахъ, по окончаніи жатвы, при посадкѣ роя въ улей, при покупкѣ лошади или коровы, чтобы фруктовыя деревья приносили плоды, при посѣвѣ маку, при посадкѣ огурцовъ, капусты, моркови и т. д. Значительное число хозяйственныхъ пожеланій собрано въ „Малорусскихъ заклинаніяхъ“ П. С. Ефименка, стр. 42—58 и въ „Трудахъ“ Чубинскаго I 85.

Въ числѣ малорусскихъ благожеланій интересно по литературному происхожденію: „хай воно вамъ передъ душечкою стане“ (на томъ свѣтѣ). Пожеланіе это основано на сказаніяхъ того разряда, который былъ отчасти мной изслѣдованъ въ статьѣ о легендахъ о грѣшной матери (Кіев. Стар. 1893).

2.

Проклятія.

Проклятіе такъ же свойственно народамъ, какъ свойственна молитва, и можно сомнѣваться, чтобы существовалъ гдѣ либо народъ безъ молитвъ и проклятій. У народовъ культурныхъ проклятіе получило широкое приложеніе въ разнообразныхъ проявленіяхъ жизни частной, семейной, общественной. Ветхозавѣтныя книги полны проклятій. Іегова проклинаетъ змѣя, проклинаетъ Каина; патріархи проклинаютъ непослушныхъ сыновей. Уже на первыхъ страницахъ книги Бытія Іегова говоритъ Адаму: „проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ“ (гл. 3). Въ концѣ 108 псалма: „да облекутся оболгающія мя въ срамоту, и одеждутся яко одеждою студомъ своимъ“. Библейскія проклятія не проникли въ русскую народную словесность и не оказали на нее вліянія.

У классическихъ писателей также находится много разнообразныхъ проклятій, и многія изъ нихъ имѣли значеніе установленнаго закона. У грековъ подвергались проклятію измѣнники отечеству, убійцы и оскорбители родителей, кто не указывалъ слѣпому пути, кто высказывался за союзъ съ персами, кто осквернялъ гробницы, нарушители договоровъ. Римляне проклинали враговъ государства и преступниковъ (devotio, dirae precationes) за нарушеніе границъ, за оскорбленіе родителей, за обманъ кліента: „patronus si ctrenti fraudem fecerit, sacer esti“; „qui terminum exarusset et ipsum et boves sacros esse“ и мн.др. (*Lasautx*, Stud. d. klassisch. Alterth. 159—177, Trede III 229—232). Классическія проклятія не остались безъ вліянія на позднѣйшія славянскія церковныя и свѣтскія проклятія при заключеніи договоровъ.

Проклятія были въ ходу у древнихъ индусовъ и вошли въ Веды (*Липперть*, Ист. культ. 359), были въ ходу и у древнихъ скандинавскихъ народовъ, и вошли въ пѣсню о Гельги и Сигрунѣ и др. памятники, напр., въ такихъ выраженіяхъ: „пусть не двинется подъ тобою корабль“, пусть стоитъ, какъ вкопанный, твой конь“, „пусть мечъ твой обрушится на твою голову“ (Эдда въ изд. Simrock'а).

Въ древней домонгольской Руси клятва и проклятіе были въ большомъ ходу. Договоръ Игоря съ греками (945 г.) былъ скрѣпленъ такими словими: „да не имуть (нарушители мира) помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчены будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего да будутъ рабы въ сей вѣкъ и въ будущій“. Въ договорѣ Святослава присяга (въ лѣтописи подъ 971 г.) выражена такъ: „да имѣмъ клятву отъ Бога.... и да будемъ золоти яко золото и своимъ оружьемъ да иссѣчены будемъ“. Что въ эти древнія клятвы

вошелъ національно-славянскій элементъ, видно изъ того, что проклятіе мечомъ встрѣчается и въ малорусскомъ казацкомъ эпосѣ въ сходной формѣ (щобъ тя „ясни мечи порубалы“ въ думахъ про Ивася Коновченка) и въ болгарскихъ пѣсняхъ („що первна сабя махнула, тебе се, сынко, прѣсекла“); еще болѣе обычны въ проклятіяхъ болѣзни, причемъ подъ „залоти“, вѣроятно, разумѣлась желтуха, какъ это уже неоднократно высказывалось въ печати (напр., у Владимірова во „Введеніи“ 124). Пожеланіе рабства въ будущемъ вѣкѣ отвѣчаетъ древнимъ представленіямъ о загробной жизни, какъ продленіи жизни земной.

Любопытный намекъ на проклятія въ „Поученіи Владиміра Мономаха, „не дайте пакости дѣяти отрокамъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ“.

Въ формальномъ отношеніи проклятія стоятъ въ тѣсной связи съ другими явленіями народной словесности, съ примѣтами, клятвами, договорами, сказками и пѣснями. Относительно пѣсенъ проклятіе большей частью играетъ подчиненную и зависимую роль; оно вводится въ пѣсни, какъ общій пріемъ расширенія содержанія, иногда безъ тѣсной внутренней связи съ главной мыслью. Другое дѣло клятвы и договоры; съ ними проклятіе сливается органически; клятва—это то же проклятіе, но обращенное на субъекта, на говорящаго; многіе заговоры представляютъ расширенное проклятіе. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются древніе классическіе наговоры-проклятія, собранныя въ книгѣ проф. *И. В. Помяловскаго* „Эпиграфическіе этюды“ (1873 г.) стр. 59. Что у современныхъ народовъ, въ частности у малоруссовъ, излагается въ сжатой формѣ одного сильнаго выраженія, въ 2—3 словахъ, въ классическихъ наговорахъ-проклятіяхъ развито обращеніями къ подземнымъ богамъ и повтореніемъ зложеланій. Такое расширеніе, свидѣтельствующее объ извѣстной искусственности и обдуманности, обусловлено было тѣмъ, что извѣстныя по свинцовымъ досечкамъ наговоры прошли черезъ руки профессіональныхъ мастеровъ.

На идеѣ о силѣ проклятія, въ особенности родительскаго, построено много историческихъ преданій, легендъ и сказокъ, напр. легенды о Каинѣ (*Дикаревъ*, Этнограф. Збир. II 6), сказанія о провалившихся отъ проклятія городахъ (см. мою брошюру на эту тему), сказки о заклятыхъ покойникахъ, заклятыхъ кладахъ и др. По большой популярности проклятія вошли и въ пословицы, и даже въ анекдоты. Таковъ, напр., анекдотъ о вдовѣ, которая высказывала довольство своимъ вдовьимъ положеніемъ въ словахъ: „лягла не клята, встала не мьята“ (*Гринченко* Этн. матер, I 81).

Несомнѣнно, что проклятія часто были связываемы съ опредѣленными традиціонными обрядными дѣйствіями. Въ 1 пѣс. о сыновьяхъ Эдипа Ста-

ція (въ 1 в. по Р. Хр.) Эдипъ бьетъ руками землю и громко выкрикиваетъ проклятія, призывая подземныхъ боговъ и фурій (*Trede* III 232).

Макробій сообщаетъ, что римляне, произнося проклятія противъ враждебныхъ городовъ или армій, заканчивали проклятія словами Tellus mater teque Jupiter obsecro", причемъ заклинатель, произнося слово „мать Земля", прикасался руками къ землѣ, а при словѣ „Юпитеръ" воздѣвалъ руки къ небу (*Lasaulx*, 174).

У италіанцевъ и нынѣ существуетъ значительный ритуалъ проклятій. Проклинающій выбираетъ ночное время, зажигаетъ двѣ свѣчи и громко читаетъ 108 псаломъ, который, какъ извѣстно, заканчивается проклятіемъ. Въ Калабріи мать, проклиная сына, распускаетъ волосы, рветъ на себѣ одежду, становится на колѣни, обращается къ востоку, бьетъ землю руками и выкрикиваетъ громко проклятія (*Trede*, D. Heidenthum in d. röm. Kirche III 229—232).

Обращаясь къ современнымъ малорусскимъ проклятіямъ, мы находимъ лишь словесныя формулы; но за ними, по крайней мѣрѣ за нѣкоторыми формулами, можетъ скрываться ритуалъ, опредѣленныя условія дѣйствія. Въ одномъ варіантѣ думы про Ивася Коновченка сохранилось любопытное указаніе на ритуалъ проклятія: Мать Коновченка

Слезьмы плакала, рыдала,
До небесъ руки пидіймала.
Свого сына Ивася проклинала... *)

Весьма замѣчательна клатва съ ѣдой земли. Въ сказкахъ волкъ „божится—клянется, землю ѣстъ". Въ одной смоленской сказкѣ жена въ подтвержденіе своихъ словъ съѣдаетъ комъ земли (*Владиміровъ*, Введеніе въ ист. р. слов. 150.). Въ малорусскихъ поговоркахъ: „ты землю ивъ—зарикався" (*Номисъ* 2247), „землю поидалабъ—колыбъ могла" (ib. 4850), „земли зъимъ" (ib. 6747).

Какъ малороссы смотрятъ на клятву? За исключеніемъ немногихъ случаевъ, когда проклятію придаютъ дѣйствительно весьма важное значеніе (напр. материнскому), у малороссовъ, повидимому, уже выработалась и окрѣпла мысль о формальномъ значеніи проклятія. На существованіе убѣжденія въ недѣйствительности проклятія указываетъ во первыхъ такое ограниченіе его значенія, какое выражается въ пословицахъ „жиноцька клятьба дурно иде—якъ мимо сухе дерево витеръ гуде", „дурна клятьба объ стину головою", „Богъ не дытына, щобъ дурнивъ слухаты", „Богъ не дытына слухаты дурного галатына", „Якъ бы Богъ слухавъ пастуха, то бъ уся череда выгынула", такъ какъ пастухъ всегда говоритъ „а щобъ тебе, а бодай тебе!"

*) Встрѣчается и болѣе общій мотивъ: "тогда старенька жена ударится объ полы руками", (*Костомаровъ* Ист. казач. въ пѣс. 55).

(*Номисъ*, Приказки, №№ 4120—4125). Сходное представленіе выразилось въ польской пословицѣ „gdy komu Bóg błagosławi, przeklenstwi tam nic nie sprawi“ (*Adalberg*, Księga przysłów, 33).

Что значить *галатынъ*? Слово темное. Галати, галатенъ, галатска встрѣчается въ болгарскихъ пѣсняхъ. Проф. *М. С. Дриновъ* въ рец. на болгарскій словарь Дювернуа, гдѣ слово это истолковано ошибочно, приводитъ такое весьма вѣроятное его объясненіе. Названіе галловъ у позднѣйшихъ грековъ (Γαλάτης) употреблялось въ значеніи колдуна, волхва и т. п. Съ такимъ значеніемъ это слово очень рано путемъ книжнымъ проникло къ болгарамъ. Въ одной старинной рукописи: „въ послѣднѣ лѣта въстануть магесницы, обаяницы... галате...“ Слово галатинъ, по объясненію М. С. Дринова, означаетъ околдованный. Нужно думать, что такимъ книжнымъ путемъ это слово въ старое время проникло и въ Малороссію; но здѣсь съ нимъ, повидимому, связывалось нѣсколько иное представленіе о придурковатомъ великанѣ (у Номиса „галатынъ придурковатый“).

Между проклятіями разныхъ народовъ, близкихъ и дальнихъ по племенному родству и по географическому разстоянію, обнаруживается значительное сходство, иногда прямыя совпаденія, въ зависимости отъ сходной или тожественной точки зрѣнія и общаго психологическаго настроенія.

Малор. и великор. проклятіямъ, чтобы „не было ни дна, ни покрышки“ соотвѣтствуетъ въ ново-греческихъ пѣсняхъ проклятіе матери, „чтобы не было гробовой покрышки, чтобы не съѣла земля“—„Νά μη σε κοψ η πλάκα. να μη σε φάγη το κῶμα“. (*Созоновичъ*, Ленора Бюргера, 138). И въ греческихъ сказкахъ встрѣчается проклятіе: „чтобъ провалилась земля подъ тобой“ (*Hahn* II 100). У болгаръ: „да ти се провали андако“ (*Сборн.* за нар. умотв. VII 215), „да му се урне гроба“ (ib. VI 208), „да го зарине џжрната земьа“ „ега даде Господи да се не растуре, кога умре“, „земьата да го погжтне“ (или „претисне“ или „исфжрле“, т. е. поглотитъ, задавитъ, выбросптъ, ib. 209).

Малор. проклятіе „щобъ тебе перва куля не минула“ вышло изъ пѣсенъ, изъ пѣсенной формулы проклятія матерью сына, по всей вѣроятности, изъ думъ про Ивася Коновченка. У болгаръ встрѣчается „пушка да го прениже“ (*Сборн.* за нар. умотв. VI 211). Въ художественной болгарской пѣснѣ мать проклинаетъ сына за то, что онъ ушелъ въ разбой:

Синко, стояне, стояне,
Какъ отишълъ, синко, не дошълъ!
Били ти, синко, били ти:
Дълги ортоми друмове,
Дребни камънье сватове,
Черни чекурье кумове,
Черни гарване попове,
Танка топола невѣста!
Потера ви потерала
Още първата недѣля:

Сичка ти дружине се отървала,
Тебе те, синко, фанжла!
Що първна пушка пукнжла,
Въ тебе се, синко запрѣла!
Що първна сабя махнжула,
Тебе се, синко, прѣсѣкла
(*Бол. прилѣди* 1896 III 54.)

Въ „Сорочинской ярмаркѣ" Гоголя баба говоритъ: „чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!" Гоголь могъ подслушать у народа такое проклятіе. Сходное проклятіе существуетъ въ южной Италіи—„чтобъ душа твоя была сожжена" (*Trede* III 232).

Малор. проклятію „щобъ тебе роса попоила" (*Манж.* въ Сб. Х. Ист. Ф. Общ. VI, 195), повидимому, отвѣчаетъ новогреческое „чтобы на тебя капля упала" (*Hahn* 146). Смыслъ тонкій; лишь трупы подвергаются дѣйствію росы, дождевой капли.

Малор. проклятію „щобъ вороны кракали" соотвѣтствуетъ классическая формула проклятія ες κοράκας (лат. in malam crucem). Проклятія эти ведутъ начало изъ той эпохи, когда трупы непогребенныхъ, особенно повѣшенныхъ, оставлялись въ добычу воронамъ (*Тимошенко*, въ Рус. Фил. Вѣст. 1884 III 137). Отсюда же болгар. проклятіе „орлите да го дигнат" (*Сборн.* за нар. умотв. VI 211), „чафки умо да му искжцат" (ib. 212). Такія проклятія вполнѣ отвѣчаютъ той картинѣ, какая находится въ думѣ про бѣгство трехъ братьевъ изъ азовской неволи: „орлы сизопери налитали, на кудри наступали, зъ лоба очи выдырали".

Малор. проклятія съ обращеніемъ къ солнцу, ниже нами приведенныя стоятъ въ психологическомъ родствѣ съ классическими наговорами на убійцъ, съ обращеніемъ къ правосудному солнцу открыть ихъ и наказать. Такой наговоръ сохранился на одной надгробной колоннѣ. Проф. Помяловскій, приведши надпись, напоминаетъ разсказъ Тацита о томъ, что по открытіи заговора Пизона Неронъ пошелъ благодарить солнце (Эпигр. этюды, 38).

Малор. и великор. проклятіямъ съ онѣмѣньемъ (типунъ тоби на языкъ и др.) соотвѣтствуютъ заговорныя формы: „заключъ имъ, Господи, моимъ супротивникамъ умъ и языкъ", что часто встрѣчается и въ классическихъ наговорахъ въ надписяхъ (nec loqui nec sermonari possit и пр.) У Сенеки: quis non, si admoneatur ut cogitet, tamquam dirum omen respuat et in capita inimicorum aut ipsius intempestivi monitoris abire illa iubeat (*Помялов.* Эпигр. этюды 149). У современныхъ болгаръ: да онемее; ега занемее; коска у гржкльана да му застане (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 209).

Малор. „щобъ ты и въ старцахъ счастья не мавъ" (*Ном.* 3683) соотвѣтствуетъ болгарская „Аргатинъ да биде, та ништо да не спечале" (*Сборн.* за нар. умотв. VI 206).

Малор. „кольки на тебе нема“ (*Манжура*) соотвѣтствуетъ болгарская „бодеш да го акне“ (*Сборн.* VI, 206).

Малор. и велик. „чтобъ пусто было“ соотвѣтствуетъ болгарск.“ да му опустее името“, „да опустее и оштурее“ (*Сборн.* VI, 208).

Малор.: „щобъ путь погибла“ соотвѣтствуетъ великорус. „не было бъ тебѣ ни пути, ни дороги“.

Много проклятій общаго свойства, напр. Щобъ тоби на свити добра не було. Щобъ лопнувъ. Щобъ тоби лыхомъ скрутылося. Бодай нагло зслизъ. Нужда бъ тя побила. Бій тебе Божа сила. Най го злыдни побьютъ. Соби на безголовья. (*Ном.* 3655—3785).

Еще болѣе проклятій съ пожеланіями смерти, болѣзни вообще того или другаго недуга въ частности. Щобъ ты счезъ якъ слына (*Zbior Wiadom.* VIII, 245). Щобъ ты счезъ, якъ собака въ ярмарокъ (ib. 245). Бодай же кинецъ вашъ бувъ нудный та гиркій (*Ном.* 3710). Щобъ тебе положили на лаву. Щобъ тебе на марахъ вынесло. Щобъ тебе сыра земля пожерла (*Ном.* 3790—3). Щобъ тебе поховали на разстанни (какъ висѣльника) (3799). Щобъ кури загребли (*Ном.* 3800). Хай винъ пидъ плавъ (трясину) пиде (*Манж.* во 2 т. Сбор. Х. И.-Ф. О., 162).

Въ проклятіяхъ болѣе всего достается глазамъ, какъ высшему органу чувства: самое распространенное проклятіе: „щобъ тоби повылазило“, „баньки имъ бодай послипило“; великор. „лопни глаза“. У другихъ народовъ также въ ходу такія проклятія. У мавровъ Сѣверной Африки говорятъ: „пусть пять (рука) падутъ на ваши глаза“ (*Пешель*, Народовѣд. 109). Въ одномъ кабильскомъ сказаніи о займѣ дней старуха говоритъ: пять моихъ пальцевъ въ твой глазъ (*Romania* 1889 XVIII, 107). У болгаръ говорятъ: „бабки да му излезат на очите“, „гарван очите да му извади“, „да окьоровее“ (т. е., да ослѣпнетъ), „да нама очи у главата“, „да му побелеіат и двете очи“ (что бы побѣлѣли глаза отъ бѣльма), „кьораф да киниса“ (чтобъ ходилъ слѣпцомъ) (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 207—212).

Щобъ тоби руки покорчило, груди забило, за живитъ взяло, завійна взяла, ризачка попоризала, срачка на симъ литъ, хиндя поподержала, родымецъ побывъ, причина вдарила.... такъ разнообразятся пожеланія по болѣзни. Сюда примыкаютъ такія проклятія, какъ „колкы на тебе нема“ „щобъ тебе.... лють (?) турнула, сто болячокъ у печинки, щобъ ты сказывся, особачився, щобъ тебе шугла (горячка) напала, щобъ ты мавъ припадокъ, бодай тебе грецъ вымывавъ и т. д. (*Ном.* 3730 и сл., *Zbiór* III 133, VIII 245). Въ этихъ проклятіяхъ не мало силы и выразительности, что чувствовали и чѣмъ по своему пользовались выдающіеся писатели, Котляревскій, Гоголь, Квитка; напр. въ „Перелицованной Энеидѣ“—„завыйныця вхопыть, на голову насяде клопитъ“ и пр., въ „Сорочинскомъ ярмаркѣ“ баба осы-

паетъ проклятіями встрѣчнаго парня шутника, особенно распространяясь на счетъ его отца.

Въ русскихъ, болгарскихъ и др. проклятіяхъ встрѣчаются разныя болѣзни, какія только извѣстны народу, и въ особенности часто лихорадка „трясца", съ рѣзкими подчеркиваніями у болгаръ: „три годишна треска да го фане", „треска да го тресне, како брашнарска врекьа (*Сборн.* за нар. умотв. VI, 212), т. е. чтобы трясло 3 года или такъ, какъ выбиваютъ мучной мѣшокъ.

Проклятія „щобъ тебе *лунь вхопывъ*" коснулся А. А. Потебня во 2 ч. „Къ исторіи звуковъ" стр. 7. Проклятіе это встрѣчается въ Энеидѣ Котляревскаго нѣсколько разъ. Потебня давалъ миѳическое толкованіе выраженію „лунь вхопывъ" (о чемъ см. его книгу. О миѳич. знач. нѣкот. обрядовъ, 98). Я думаю, что проклятіе это можно объяснить проще: щобъ тебе лунь вхопыла—чтобы ты погибъ, чтобы тебя разнесли хищныя птицы. Лунь въ великор. falco rusticolus. въ друг. славян. нарѣчіяхъ vultur, milvus, т. е. коршунъ. Проклятіе съ лунемъ стоитъ въ связи съ тѣмъ весьма распространеннымъ въ поэзіи разныхъ народовъ мотивомъ, гдѣ смерть героя узнается потому, что воронъ несъ его руку. Пушкинъ передалъ этотъ мотивъ въ шотландской пѣснѣ, взявъ его изъ шотландской народной баллады.

Проклятія по силамъ и явленіямъ внѣшней природы: Щобъ ты скризь сонце пройшовъ. Сонце бъ тя побыло (*Номисъ.* 3665—3666).

Срав. болгар.; „да го не видѣ ни сѫнце, ни месечина" (*Сборн.* VI 208), въ особенности „месецо да го изеде" (ib. 210), „сѫнце да го не огрее" (ib 211).

Ой щобъ ихъ вихромъ вынесло (*Этногр. Обозр.* 1889 III, 50). Щобъ тебе буря вывернула. Щобъ тебе понесло поверхъ дерева. Щобъ тебе понесло по нетряхъ та по болотахъ (*Ном.* 3668—9). Сравн. болгар. ветрушка да го занесе (*Сборн.* VI, 207). Хай его побье те що въ хмари гуде (*Ном.* 3773). Хай его пале небесна сыла зъ усихъ 4 сторонъ (*Манжура*, въ Сбор. Х. И.-Ф. О. VI, 194). Срав. италіанское проклятіе: убей тебя молнія (*Trede* III, 229). По ирландскому повѣрью выговоренное проклятіе семь лѣтъ носится въ воздухѣ и въ каждое мгновеніе можетъ пасть на того, противъ котораго произнесено (*Аѳан.*, Поэт. воззр. I, 428).

Въ проклятіяхъ отразились кое-какія суевѣрія и сказанія, напр.: „Щобъ ты на осыни повисывсь" (изъ апокрифовъ объ Іудѣ). „Щобъ на тебе образи падали" (*Ном.* 3685). Паденіе иконы, по народнымъ повѣрьямъ, знаменуетъ несчастье. Предполагается, что такой человѣкъ, котораго не будутъ выносить иконы, всѣмъ опротивѣетъ и погибнетъ. Такое проклятіе можетъ быть скорѣе всего относимо людьми обиженными къ притѣснителямъ.

Въ проклятіяхъ сохранились черты древнихъ религіозно-миѳическихъ представленій, напр. Побій тебе лыха годына (*Ном.* 3748). Срав. въ

44613

„Словѣ о Полку Игоревѣ"—невеселая година встала. Щобъ тебе Чорный Богъ убывъ (*Ном.* 3471). Щобъ на тебе Дивъ пришовъ (*Ном.*, 3743, *Zbior* III 90) Побыла бъ тебе морока (*Ном.* 3472). Бодай тебе Перунъ забывъ темненькои ночи (*Чубинскій* V 1092). Дивъ въ малорусскомъ проклятіи напоминаетъ Дива Слова о Полку Игоревѣ.

Особенно часто въ проклятіяхъ встрѣчаются черти, напр., извѣстное зложеланіе „чортъ тебя побери" или съ распространеніемъ на отца и мать, чтобы черти ихъ мучили, или съ усиленіемъ: „чортъ бы тебе спикъ", „стонадцять чортывъ" или описательно: „хай визьмуть ти, що трусять очеретами" (*Ном.* 3750—3769). Подобно у болгаръ: „гьяволо да го расчепе на триста парчинья" (*Сборн.* VI, 207). *).

Любопытны проклятія съ мѣстными историческими намеками, напр. Бодай тебе не минула Вересоцька гребля (*Ном.* 3674). Щобъ тебе понесло на Щокотинъ слидъ (волки съѣли богатаго козака Щокота, *Ном.* 13628). А щобъ попавъ на Серпяжинъ шляхъ (*Ном.* 13624). Номисъ дѣлаетъ замѣтку „биля Канева". Трусевичъ въ „Kwiaty" (стр. 138) приводитъ мнѣніе Изопольскаго, что дорога получила названіе отъ имени казацкаго гетмана Серпяги—Подковы. Должно быть она считалась опасной отъ разбоевъ.

Во многія проклятія вошелъ *„катъ"* — палачъ: Бодай катъ споровъ. Щобъ тебе катъ попобывъ. Щобъ тебе катъ сиконувъ передъ великими викнами. Щобъ тебе не минули кативськи руки. Бодай ты дождавъ *передъ великими викнами стояты* (по сравненію съ предыдущими проклятіями видно, что подразумѣваются плети на городской площади) (*Ном.* 3686—3692). Темная память о катѣ сохранилась во многихъ малорусскихъ поговоркахъ и выраженіяхъ. У Г. Квитки: „худобы и грошей до ката" (съ оттѣнкомъ вражды и презрѣнія"... „катъ ихъ беры", „катъ его зна", „катъма" (отрицаніе съ досадой). Въ западно-европейской искусственной литературѣ неоднократно обнаруживалась болѣзненная попытка идеализировать палача. Простое и здоровое художественное чувство народа съ отвращеніемъ относится къ профессіи палача.

Интересно зложеланіе потери общественнаго уваженія: Бодай ихъ миръ не знавъ. А щобъ тебе люде не знали (*Номисъ*, 3661—2). Слава бъ тоби пропала (ib. 3680).

Малороссы не даромъ слывутъ юмористами. Легкая насмѣшка, шутка проникла у нихъ даже въ проклятія, чего, кажется, нѣтъ у другихъ народовъ: щобъ тоби пипъ прыснывся; щобъ тоби вику якъ у козы хвистъ (*Ном.* 13623—4); щобъ тоби п. с—ку вылизавъ; побій тебе кацюба и че-

*) Въ связи съ проклятіями этого разряда стоятъ сказки о заклятыхъ дѣтяхъ, унесенныхъ нечистой силой (см. *Аван.* Поэт. воззр. I, 430).

сный макогинъ (*Zbior* VIII, 245); ой щобъ волы жывы булы, а плугъ поломався *(Чубин.* III 167).

Большимъ недоброжелательствомъ отличаются слѣдующія проклятія на дѣвицъ: Щобъ ты пидъ царскій винецъ не пидишла *(Ном.* 3683)—злое пожеланіе по адресу дѣвушки. Бій тебе дивоцьке несчастье (*Zbior* wiadom VIII 245). Подобнаго рода проклятіе встрѣчается у грузинъ въ пространной формѣ въ видѣ заговора—„чтобы она не надѣла свѣтлаго вѣнчальнаго платья" (*Сборн.* матер. д. изуч. Кавк. VIII, 302); у болгаръ: „да не дочака да цалива зелени венци" *(Сборн.* VI 207).

Много сильныхъ проклятій падаетъ на душу и загробную жизнь: щобъ тебе земля не приняла; щобъ пидъ тобой земля тряслась; щобъ ты на Страшный судъ не вставъ; щобъ ему ни дна, ни покрышки; щобъ пидъ нимъ земля горила на косовый сажень *(Ном.* 3775 и сл.). Хай ему дробына снытця *(Манжура*, въ Сборн. И. Ф. О. II 162). Манжура поясняетъ послѣднее проклятіе: злое пожеланіе умершему: дробына—всякая нечисть—змѣи, жабы и пр. Сходныя болгарскія проклятія: бес поп да го закопат; волове гробо да му изрнат; гуштери (ящерицы) да му лазатъ по гробо; капка вода да му се не наіде на онаі свет: на раскржсница (перекресткѣ) да го закопат *(Сборн.* за нар. умотв. VI 206—212).

Въ особенности интересны проклятія, чтобы земля не держала, такъ какъ въ связи съ ними стоитъ много старинныхъ и современныхъ легендъ о томъ, какъ земля не принимала проклятаго, о чемъ подр. см. *Н. Сумцова* „Къ библіогр. легендъ" въ IX т. Сборн. Х. И. Ф. Общ., *Крымскаго* въ Кіев. Стар. 1896 окт. и *Иванова* въ Этн. Об. 1889 III.

У малоруссовъ много проклятій на мать и отца, которыя въ Малороссіи служатъ замѣной великорусскихъ матерныхъ ругательствъ.

Нехай ему вырве маму. Сто чортивъ твоій мами. Трясця его мами (*Zbior* wiadom. VIII 245). Маму бъ твою мордувало (на коня). Хороба твоей матери (*Zbior* III 133). Кадукъ твоій матери *(Ном.* 3765). Эти же проклятія въ одинаковой степени распространяются и на отца, напр.: рви его батька (*Ном.* 3761). Встрѣчаются матерныя проклятія и у болгаръ, но рѣдко, напр. „маікьа, маікьа, мажлецо да іа затне" (*Сбор.* VI 210); у италіанцевъ: „чтобъ собаки съѣли душу твоей матери" (*Trede* III 229).

Въ ряду проклятій выдаются проклятія родительскія; народная молва приписываетъ имъ чрезвычайно важное значеніе. Существуетъ много разсказовъ о силѣ родительскаго проклятія. Въ новѣйшее время на эти разсказы обратили вниманіе этнографы. Такъ, *П. В. Ивановъ* въ III кн. Этнограф. Обозрѣнія 1889 года напечаталъ 11 разсказовъ о силѣ родительскаго проклятія, записанныхъ въ Купянскомъ у. Харьк. губ. Въ 3 кн. „Болгарскаго Прегледа" *А. П. Стоиловъ* напечаталъ 19 болгарскихъ разсказовъ и

пѣсенъ о родительскомъ проклятіи. Какъ г. Ивановъ, такъ и г. Стоиловъ оговариваютъ, что сборники ихъ представляютъ лишь небольшую часть вращающихся на эту тему разсказовъ („скроменъ трудецъ"). Особенно основательна эта оговорка относительно сборника г. Иванова, гдѣ совсѣмъ нѣтъ малорусскихъ пѣсенъ на тему проклятія. Подобнаго рода пѣсни разбросаны по сборникамъ Чубинскаго, Головацкаго, Антоновича и Драгоманова.

Важное значеніе родительскаго проклятія отчетливо выражено въ малор. и болгар. пословицахъ: „Батькова та матерына молитва зо дна моря рятуе, а проклёны въ калужѣ топлятъ", „майчина клетва се стига„, „майчина и бащина клетва исушава", „майчина клетва на сухо не пада". И въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ самая тяжкая клятва материнская.

Разсказы, приведенные г. Ивановымъ, сообщаютъ о томъ, какъ дочь отъ материнскаго проклятія обратилась въ тополь, какъ сынъ, проклятый отцомъ, вскорѣ умеръ; нѣсколько разсказовъ на тему, какъ сына или дочь, умершихъ подъ родительскимъ проклятіемъ, не принимала земля, какъ гробы выходили изъ земли. Въ одномъ разсказѣ проклятый сынъ обращается въ вовкулаку. Въ двухъ разсказахъ онъ носится вихремъ. Любопытно, что и родителямъ проклятіе не обходится даромъ; они начинаютъ тосковать, мучимые угрызеніями совѣсти, чахнутъ и вскорѣ умираютъ.

Н. А. Янчукъ въ примѣчаніи къ статьѣ г. Иванова сближаетъ малор. сказанія о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать, по смерти выставило изъ земли руку, пока мать, по совѣту священника, не высѣкла розгою виновную руку. Розга была воткнута въ землю и выросла въ большое дерево; сказаніе это пріурочено къ плакучей березѣ подъ Грыжиной въ Познани. Интересная статья г. *Карловича* объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ" 1888 г. Сказаніе это, вѣроятно, проникло къ полякамъ изъ Германіи, гдѣ оно весьма популярно (*Liebrecht*, Zur Volkskunde 343, *Krause*, Zeitschr. Ethnol. 1883 стр. 83, *Decke*, Lübische Sagen § 153).

Родительское проклятіе проникло во многія сказанія о превращеніяхъ. Такъ, въ Малороссіи записанъ разсказъ, что одна женщина бросила въ воду родное дятя, съ словами „да будешь ты два года ракомъ", и дитя дѣйствительно сдѣлалось ракомъ (*Чубинскій* I 224). Въ Смоленской губ. записана сказка о томъ, какъ сынъ и дочь были прокляты матерью за потерю ключей, причемъ сынъ обратился въ соловья, а дочь въ кукушку (*Добровольскій* Смол. этногр. сб. I № 39). Въ словинской пѣснѣ мать, разсердившись на дочь, сказала, „чтобъ тебя водяной взялъ", и за дѣвушкой пришелъ водяной. Существуютъ сходныя чешскія и моравскія пѣсни (*Перетцъ*, Соврем. рус. пѣсня, 28; здѣсь указаны сборники Эрбена, Сушила и

др.) Въ болгарской пѣснѣ сынъ и дочь, проклятые отцомъ, превращаются въ птицъ (*Болгар. Прѣгледъ* 1896 III 53). О проклятіи и благословеніи травы или дерева см. *А. Веселовскаго* въ 32 т. Сборн. Ак. Наукъ, стран. 457—458.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ родительское проклятіе иногда имѣетъ значеніе формальное. Отъ частнаго употребленія оно стало риторической фигурой; такъ было и у древнихъ народовъ. Уже Цицеронъ пользовался имъ, какъ риторическимъ пріемомъ. Какъ риторическая фигура, проклятіе въ особенности укоренилось въ сербскомъ эпосѣ, напр.

1) Али Марко вили одговора
Бјела вило, грло те болјело!....
2) Удри, Груйо, усала ти рука!....
3) Одкуд книга? Огнемъ изгорела!...
4) Мучи шчери, дуго ядна била!....
5) Любила га међю очи гуја,
А црна га земла загрлила!....
6) Кам му кони? по клали ихъ вуци!..

(*Zima*, Figure u narod. piesn. 140).

Такъ, формальный характеръ материнское проклятіе, имѣетъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Выряжала стара маты
Свого сына въ новобранци.
Ой якъ выряжила та все проклинала
А гирькими словами.

Ой не проклынай стара матусенько
Гиркими словами;
Завтра ты вміешься слезами.

(*Полит. писни*, I 31).

Пѣсня очевидно построена на томъ положеніи, что проклятіе наказуется и самъ проклинающій пострадаетъ. Мать въ этой пѣснѣ, какъ во многихъ другихъ, выступаетъ въ непривлекательномъ видѣ.

Въ большинствѣ случаевъ родительское проклятіе въ малорусскихъ пѣсняхъ *имѣетъ живое бытовое и литературное значеніе, что выражается* въ значительномъ разнообразіи данныхъ его выраженій.

Въ думѣ о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ мать:

Сынивъ своихъ клене—проклинае:
Бодай же васъ, сыны мои, бидни вдовыченьки, у поли
Побыло разомъ три недили:
Щобъ васъ перва доля побыла—
Щобъ Богъ хлиба не вродывъ;
А друга доля щобъ побыла—
Щобъ не стали васъ люде знаты,
Добрымъ словомъ поклыкаты;
Третья доля щобъ побыла—
Щобъ вы въ своій домивци на промешканни
Щастя и доли не малы (*Кулишъ*, Зап. о Юж. Р. I, 26).

Въ разныхъ малорусскихъ сборникахъ встрѣчается пѣсня „Десь ты мене маты въ барвинку купала“, гдѣ дѣвица свое горькое житье объясняетъ тѣмъ, что мать проклинала ее въ дѣтствѣ и въ то время, когда собиралась ее купать, и на жатвѣ, и ночью, колыхая колыбель. Въ этой прекрасной пѣснѣ и для матери дано нѣкоторое извиненіе въ трудности ея жизни.

Въ думѣ про Коновченка мать проклинаетъ сына за самовольный уходъ въ походъ:

Бодай, мій сыну, слезы на тебе упали,
Бодай воны тебе на третей стрѣльбѣ спотыкали!...

въ вар.: Бодай ты и туды дійшло,
И выдты не пришло!
Щобъ тебе, перва куля не миновала,
У першій військовій потреби спиткала.
(*Костомар.* Ист. казач. въ пѣс. I, 55).

въ вар.: Бодай же тя, сыну,
Бодай тя, сыну три недоли спиткало!
Одна недоля, щобъ тя козаки не злюбили,
Та и до свого куреня щобъ не пріймали;
Друга недоля, бы тя ясни мечи порубали,
Третья недоля, щобъ тя кули пострѣляли. (*Головац.* I, 10).

И тутъ мать потомъ горько раскаевается:

Бѣдна, побѣдна моя голова вдовына,
Що я свого сына ругала проклинала,
Счастье—долю его козацьку потеряла!
Два дни свого сына клене-проклинае,
На третій день подумае, погадае,
Руки до Бога здіймае,
Господа съ небесъ благае:
„Дай мени, Господи, си слова передъ собою маты,
А свого сына Ивася вдовыченка хочъ разъ у вичи повидаты!

Проклятіе отцовское и проклятіе материнское встрѣчается во многихъ болгарскихъ пѣсняхъ (*Стоиловъ*, въ Болг. Прѣгл. 1899 III), безъ раскаянія родителей, у сербовъ, чеховъ и др. славянъ (*Перетцъ*, 28).

Проклятіе сына матерью встрѣчается въ западно-европейскихъ пѣсняхъ Такъ, въ одной старинной шотландской балладѣ братъ нечаянно убитъ братомъ и смерть свою онъ объясняетъ тѣмъ, что мать пожелала ему, когда онъ уходилъ изъ дому, не вернуться болѣе (*Child*, The english and scot. ballads II № 49). И въ другихъ старинныхъ англійскихъ и шотландскихъ балладахъ встрѣчается родительское проклятіе (*Child* II № 42, IV № 91).

Въ южной Италіи циркулируетъ сказка о Николаѣ Рыбѣ, погибшемъ въ пучинѣ морской отъ проклятія матери, сказавшей, „чтобъ ты утонулъ“. Сказка эта хорошо извѣстна въ переработкѣ Шиллера (баллада „Кубокъ“); но Шиллеръ пользовался тѣмъ варіантомъ, гдѣ вмѣсто проклятія выдвинутъ былъ другой мотивъ—корыстолюбіе (*Trede*, III 229).

У шведовъ существуетъ повѣрье, что дѣтей, проклятыхъ родителями, беретъ чортъ. Въ нѣмецкихъ сказкахъ проклятый ребенокъ обращается въ ворона. По старинным нѣмецкимъ повѣрьямъ, дьяволъ бралъ дѣтей, проклятыхъ матерями. Оттого и въ „Мессинской невѣстѣ“ великій нѣмецкій поэтъ сказалъ:

Eine Mutter kann des eignen Busens Kind,
Das sie mit Schmerz geboren, nicht verfluchen,
Nicht hört der Himmel solche sündige
Gebete; schwer von Thränen fallen sie
Zürück von seinem leuchtenden Gewölbe (цит. у *Liebrecht*'а въ Des Gervasius „Otia Jmperialia“ 139).

Такая нравственная тенденція полно развита въ малорусской народной словесности.

Сказанія о родительскомъ проклятіи, большей частью въ связи съ представленіемъ о неизбѣжности наказанія, господствовали и въ классической древности. Кроносъ проклялъ своего сына Зевса, Аминторъ Феникса, Пелопсъ Лая, Эдипъ проклялъ двухъ своихъ сыновей Этеокла и Полиника, Тезей Гипполита. Платонъ говоритъ, что ничто такъ не помогаетъ людямъ, какъ благословеніе родителей, и нѣтъ ничего пагубнѣе родительскаго проклятія, которое боги никогда не оставляютъ безъ исполненія. Бл. Августинъ, какъ очевидецъ говоритъ, что 7 сыновей и 3 дочери, по смерти отца дурно обошедшіеся съ матерью и проклятые ею, впали въ тяжкую болѣзнь, отъ которой двое (Павелъ и Палладія) исцѣлились лишь послѣ того, какъ помолились у гроба мученика Стефана (*Lasaulx*, Studien, 165).

Въ думѣ про козацкую жизнь козакъ уходитъ въ походъ и оставляетъ въ бѣдно йдомашней обстановкѣ молодую жену. Жена проклинаетъ:

Щобъ тоби, козаче, кинь приставъ,
Щобъ ты козакивъ не нагнавъ,
Щобъ тебе козаки не злюбили,
И атаманомъ не постановили.

Жена проклинаетъ съ разсчетомъ, чтобы мужъ ея скорѣе воротился. Здѣсь проклятіе представляется лишь искусственнымъ поэтическимъ пріемомъ.

Козакъ на коня сидае,
Жиночу клятьбу канчукомъ одбивае...

„Клятьба“ эта все таки не осталась безъ послѣдствій. Козакъ воротился черезъ четыре недѣли, нужно думать, не догнавъ козаковъ или былъ ими не взятъ (*Кіев. Стар.* 1884 XII 641).

Въ думахъ встрѣчается проклятіе моря матерью.

Кляла царица, вельможна пани,
Чорное море проклинала:
Бодай же ты море не процвитало,
Вичными часы высыхало,
Що мого сына едынычка,
Едынычка у себе взяло... (*Ант. и Драг.* I 245, *Голов.* I 3).

Въ невольницкихъ думахъ козаки проклинаютъ турецкую землю—вѣру бусурманскую (*Ант. и Драг.* I, 89), безъ указаній на формы проклятій. Въ думѣ про взятіе Варны турки проклинаютъ рѣчку, чтобы она усохла (*Голов.* I 4). Въ пѣснѣ о смерти козака:

Козакъ долину Кодыну трома клятьбамы проклинае:,
Бодай ты, долино Кодыно, мхами, болотами западала
Щобъ у весну Божью николы не зоряла, не позоряла...
(*Костом.* Ист. казач. 103).

Въ Малороссіи есть своеобразный отдѣлъ сказаній о проклятіяхъ—*заклятія на клады*. Существуетъ повѣрье, что клады зарыты съ проклятіями. Въ какихъ словахъ выражались проклятія—объ этомъ большею частью не говорится; извѣстно только, что одни клады заклинались на опредѣленное время, другіе навсегда, или, какъ говорятъ крестьяне, „поки свита и сонця“. Кромѣ того, разбойники, заклиная клады, какъ видно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ, накликали болѣзнь или какое-либо другое несчастье на тѣхъ, кто возьметъ кладъ. Въ одной мѣстности Купянск. у. Харьк. губ. записана такая подробность: „Якъ зарываютъ гроши, або якъ пускаютъ у воду, то заклинаютъ ихъ: будь вы трижды прокляти, прокляти, прокляти. Хто ци гроши визьме, той и самъ проклятый, тому голова долой!“. Когда кончается срокъ заклятія, шкарбъ выходитъ на поверхность, принимая иногда видъ пѣтуха или въ видѣ старика. Любопытно одно малорусское сказаніе изъ того же Купянскаго уѣзда, что люди стараго времени зарывали клады при свидѣтеляхъ и клали въ ямку доску, на которой была написана крейдою заклята молитва (*Ивановъ* въ Харьк. Сборн. 1890, 6—8). Послѣдняя подробность о доскѣ съ заклятіемъ напоминаетъ тѣ свинцовыя досечки съ заклятіями, которыя у древнихъ грековъ и римлянъ были закапываемы въ землю; находили ихъ и въ водяныхъ источникахъ. Не удержалось ли въ малорусскомъ сказаніи воспоминаніе о дѣйствительномъ бытовомъ явленіи старой славянщины?

Проклятіе играло важную роль въ старинной Малороссіи при заключеніи актовъ, договоровъ, духовныхъ завѣщаній. Весьма любопытнымъ ма-

теріаломъ для бытовой украинской исторіи представляются старинныя духовныя завѣщаніи или „духовницы“, помѣщенныя г. А. Лазаревскимъ въ 19 № Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1857 г. Въ этихъ „духовницахъ“ находится подробное перечисленіе предметовъ стариннаго домашняго быта, перечисленіе, бросающее яркій свѣтъ на домашнюю жизнь украинскаго панства конца XVII и начала XVIII ст. „Духовницы“ интересны также съ историко-юридической точки зрѣнія. „Духовницы“ начинаются длинными разсужденіями о кратковременности человѣческой жизни, а оканчиваются цѣлымъ громомъ проклятій противъ того, кто дерзнетъ нарушить выраженную въ духовномъ завѣщаніи волю умершаго. „А на остатокъ, говорится въ концѣ духовницъ, замыкаючи сей моей остатней воли тестаментъ, въ таковый способъ оный обваровую: да будетъ проклятъ анаѳема и маранафа вшеляки въ якомъ колвекъ пунктѣ параграфъ оный нарушитъ и да низверженъ будетъ силою Всевышняго Бога до ада преисподняго живо, и да постигнутъ его тутъ въ временномъ житіи казнь Божія а въ будущемъ пекельная, да ожогнетъ его мука, каждого, кто только важитеметця оный нарушити“...

Юридическія заклинанія были въ древности въ большомъ ходу, и малороссы несомнѣнно заимствовали ихъ изъ старинной письменности.

Въ румынскихъ грамотахъ XV и XVI ст. на славянскомъ языкѣ, изданныхъ въ IX т. Сборника за нар. умотв., заклятіе встрѣчается часто. На длинномъ протяженіи почти двухъ вѣковъ повторяется одна и таже заклинательная формула. Въ грамотѣ воеводы Мирчи 1409 г. заклятіе изложено такъ: „аще ли разорит и расипет, а не утвердит и не съхранит сія вышеписанных, то таковаго Богъ да разорит и да убіет и въ сій вѣк и въ бѫдѫщи, и оучѫстіе да имат съ Іоудѫ и съ Аріѫ и съ онѣми рекшіими Іюдее, еже рекоша на Христа Спаса нашего, кръв его на нихъ и на чѫдахъ их...“

Обычай прибѣгать къ заклятіямъ бытовалъ въ Византіи. Дарственныя записи монастырямъ снабжались самыми страшными проклятіями, что, однако, мало мѣшало нарушенію ихъ (*Журн.* Мин. Нар. Просв. 1892 XII 400).

Изъ древней лѣтописи видно, что русскіе еще до принятія христіанства заключали клятвенные договоры. Извѣстное выраженіе „да будемъ золоти яко золото „любопытный памятникъ древней клятвы.

Какъ славянскій, такъ и византійскій обычай клятвенныхъ договоровъ восходитъ къ классической древности. Въ греческихъ клятвенныхъ договорахъ часто встрѣчается такое выраженіе: Ει σε τασε ηη κατεχοιμι, τὸυς δεους τούς ὥμοσα, Εμμανιας ημεν πάντας τε και πασας, και κακιστω ολεδρω εξολλυσδαι αυτός τε και χρηια ταμα και μηνε μοι ναν καρπον φερειν (*Домял.* Эпиграф.

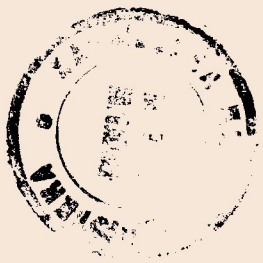
этюды, 144).*) У древнихъ клятвами скрѣпляли союзные государственные договоры и частныя соглашенія, съ проклятіями противъ нарушителей. Иногда проклятія вырѣзывали на столбахъ и ставили ихъ на площадяхъ вблизи храма. Ганибалъ Карфагенскій и Филиппъ Македонскій союзный договоръ скрѣпили клятвами—карфагеняне передъ своими богами, греки передъ своими (*Lasaulx* Stud. d. klassisch. Altert. 191), любопытный историческій прототипъ позднѣйшихъ клятвенныхъ договоровъ грековъ съ руссами.

Въ Малороссіи стараго времени, въ особенности въ XVII в., широко практиковался заимствованный малоруссами со стороны церковный обычай анаѳематствованія. Православные проклинали уніатовъ, напр., на Брестскомъ соборѣ 1596 г., въ недѣлю православія въ 1629 г.; уніаты громили православныхъ. Любопытное описаніе внѣшней обрядности стариннаго малорусскаго анаѳематствованія дано въ актахъ объ анаѳематствованіи злополучной Апологіи Смотрицкаго на кіевскомъ соборѣ 1628 г. Въ праздникъ Успенія пресв. Богородицы, во время литургіи послѣ прочтенія евангелія, духовные съ митр. Петромъ Могилой во главѣ вышли изъ алтаря и стали вокругъ амвона. Петръ Могила раздалъ епископамъ по свѣчѣ и по листу Апологіи. Послѣ отреченія Мелетія Смотрицкаго отъ Апологіи, книжка была торжественно проклята; листы брошены подъ ноги; ихъ топтали и жгли. Процессія закончилась тѣмъ, что владыки погасили свѣчи, находившіяся въ ихъ рукахъ (подроб. см. въ соч. *Голубева*, Петръ Могила, 197—200).

Подобные обычаи и нынѣ держатся въ кое-какихъ мѣстностяхъ христіанскаго міра. Грузины (Кутаисской губ.) и гурійцы проклятіе и нынѣ связываютъ съ церковью, при случаѣ воровства. Потерявъ корову или лошадь, грузинъ идетъ въ церковь и съ разрѣшенія священника, а иногда и безъ вѣдома послѣдняго, произноситъ проклятіе на похитившаго. Проклятіе это, по вѣрованію народа, весьма часто исполняется на самомъ виновномъ, а можетъ разразиться на его внукѣ или правнукѣ. Причиной болѣзни и всякаго несчастія считается или дурной глазъ или проклятіе (*Сборн. матер.* X 110). Гурійцы продѣлываютъ проклятіе такимъ образомъ: пострадавшій беретъ образъ главнаго мѣстнаго святого, обращается лицомъ къ востоку, становится на колѣни и проситъ о наказаніи вора; при этомъ, опуская образъ ницъ, говоритъ: „св. (имя рекъ) такъ опрокинь, разруши все его состояніе“ (*Сборн. матер.* XVIII, 107).

---

*) т. е. „если я этого не сдержу, то пусть всѣ боги и богини, которыми я поклялся, разгнѣваются на меня, и пусть я погибну ужасной гибелью и мое имущество также, и пусть земля не дастъ мнѣ плодовъ.

Принимая во вниманіе, что у классическихъ народовъ было весьма распространено обыкновеніе заклинать вора (см. *Помяловскаго*, Эпиграф. этюды, 26 и сл.), можно думать, что грузины въ старое время позаимствовали у классическаго міра обычай заклинанія воровъ.

На существованіе обычая, подобнаго вышеописаннымъ грузинскимъ, у великоруссовъ указываютъ такія изрѣченія, какъ „поднять икону“, „потянуть руки до Бога“, т. е. снимать икону при клятвѣ (*Даль*, 718).